

ДОЛГИЕ ВЕРСТЫ ВОЙНЫ

(Березкин Петр Алексеевич
гвардии старший лейтенант)

Память снова и снова возвращает в суровые сороковые годы, которые пришлось пройти нашему поколению. Когда по радио выступил В. М. Молотов о нападении фашистской Германии на нашу страну, стало ясно: пришел и мой

черед.

Как обычно, в выходные дни мы собирались у Мальцевых. Их дом стоял на углу улиц Свободы и Железнодорожной. И на этот раз пришли Михаил Кныш, я и два брата Мальцевых - Николай и Виктор. Разговор шел о войне. Мы, отслужившие кадровую службу, знали, что нелегкая ноша выпала на нашу долю.

Сказал ребятам: завтра ждите повестки. Так и получилось.

23 июня я их провожал в армию. На другой день меня направили в Ивановское военно-политическое училище. Вместе со мной из Канапа выехал также Сергей Кузнецов, работник городской пожарной команды.

Трудными были проводы. Больше всех страдала мать, ведь кроме меня уходили в армию еще два брата. Проводы трех сыновей на фронт, ожидание от них весточек стоило ей многих горьких ночей, когда после тяжелых дневных забот она оставалась наедине со своими тревогами.

Прибыли в Гороховец, где в летних лагерях располагалось училище. Состав курсантов был неоднородным, но большинство слушателей прошли кадровую службу в армии. Вновь надел армейскую форму.

Учебный процесс настолько был спрессован, что едва хватало времени на сон. За шесть месяцев мы должны были пройти двухгодичный курс военного училища. Нас готовили на должность политруков стрелковых частей. Даже прошедшими армейскую закалку нелегко приходилось переносить учебную нагрузку, да еще при скучном питании. Угнетала военная обстановка, враг приближался к Москве. Ежедневно из лагерей уходили марширующие роты молодых солдат 1922-23 годов рождения, прошедших краткосрочные курсы. Вскоре перебазировались в Иваново.

С октября 1941 года жизнь города была подчинена законам военного

времени. Сюда приехали тысячи эвакуированных из Прибалтийских республик, Москвы, Ленинграда. Десятки госпиталей были размещены в городе.

В декабре состоялся ускоренный выпуск. Нам присвоили звание младшего лейтенанта. 25 молодых офицеров направили в Оренбургский округ.

Распределили по вновь формируемым дивизиям. Группа молодых политруков получила направление в 193-ю стрелковую дивизию. Она формировалась в районе города Сорочинска. Сергея Кузнецова и меня зачислили в 886-ой стрелковый полк, в первый батальон. Я попал в пулеметную роту, которой командовал лейтенант Дудоларов, а Сергей был назначен политруком роты автоматчиков.

Несмотря на суровую зимнюю стужу и глубокий снежный покров, тактические учебные занятия показывали неплохую боевую выучку подразделений. Шло сколачивание подразделений, согласовывались их действия в боевых условиях с различными родами войск. К началу февраля 1942 года дивизия была полностью укомплектована личным составом и вооружением. Ждали приказа о переброске на фронт. Но к большому огорчению был получен приказ о формировании маршевых рот для пополнения частей, ведущих боевые действия. Они комплектовались из рядового и сержантского состава. Старший и средний командный состав оставался на месте и получил пополнение из приписников запаса старших возрастов и призывников 1923-24 годов рождения. Контингент прибывающих был разнородным по возрасту, образованию и национальности. Значительная прослойка вновь прибывших из Казахстана и Киргизии. Они слабо владели русским языком, на котором написаны все армейские уставы, наставления. Среди сержантского же командного состава крайне мало было людей, владеющих казахским и киргизским языками. Когда начались учебные стрельбы по мишням, отдельные бойцы отказывались брать в руки винтовки, ссылаясь на Коран. (Аллах запрещает убивать человека). Непросто было убедить, что человек, которого он должен убить - его враг, пришедший отнять его землю, а самого сделать рабом или уничтожить вместе с семьей.

Первые учебные дни выявили массу проблем подготовки к боевым действиям.

В марте получили приказ на переброску дивизии в прифронтовую зону. Выгрузились в Рязанской области. Отсюда пешком двинулись на Брянский фронт. Шли в дневное время, делая ежедневно по 20-30

километров, при полной солдатской выкладке. Вооружаться дивизия должна была в районе Задонска, Данкова. Началась распутица, так что грязи хлебнули досыта.

Как только стали подходить к Задонску, услышали отголоски артиллерийской канонады. Нас отвели в лесной массив. Здесь дивизия получила полную военную экипировку. После небольшого отдыха, подразделения дивизии получили приказ на выдвижение к линии фронта. Командный состав батальона и политруки рот отправились на рекогносцировку участка обороны. Властвовала распутица, мы все перепачканые, усталые, возвращались с переднего края в части, с тем, чтобы побыстрее занять оборону. Артиллерийские и минометные подразделения свои участки занимали как только наступали сумерки, им необходимо было оборудовать огневые позиции.

Стрелковые подразделения должны были занять позиции ранним утром. Наша пулеметная рота вместе с пэтэровцами до восхода солнца приступили к оборудованию открытых площадок для ведения огня. Не повезло стрелкам, они попали под жесточайшую бомбёжку немецкой авиации. Понесли большие потери.

12 мая 1942 года началось наступление войск Юго-Западного направления. Прорвав оборону, войска вышли к Харькову. Завязались тяжелые бои. Чувствительный удар был нанесен немцам во второй половине мая, наши войска вынуждены были отступать. В воздухе господствовала немецкая авиация. Многие части оказались в окружении, с тяжелыми боями, большими потерями прорывались из кольца. Наша дивизия находилась в обороне.

Довольно чувствительным был для дивизии мощный авиационный и танковый удар фашистов на стыке двух армий нашего Брянского фронта в конце июня 1942 года. Оборона была прорвана, и немецкие войска с каждым днем усиливали натиск на Воронежском направлении. В начале июля наш полк получил приказ взять узел обороны немцев, расположенный в населенном пункте Большие Верейки. После непродолжительной артподготовки пошел в наступление наш батальон. Но стоило приблизиться к немецкому переднему краю, как фланговым огнём крупнокалиберного пулемета пехота была прижата к земле. А здесь еще одна оказия. В воздухе повисла немецкая «рама», самолет-разведчик. Он корректировал огонь артиллерии и давал координаты нанесения бомбовых ударов своей авиации.

Вскоре появились самолеты, которые изрядно потрепали нам нервы,

не обошлось без жертв. Дважды делали попытку захватить опорный пункт, но каждый раз фланговый огонь пресекал наши атаки. Удачно был замаскирован немецкий дзот, не сразу удалось установить его место нахождения. На исходе дня командир батальона собрал командиров и поставил вопрос: «Что будем делать? Приказ остается в силе». Всем стало ясно, что кто-то из нас должен решиться взять на себя ношу личной ответственности за единоборство с пулеметчиком, засевшим в дзоте. Наступило молчание. Каждый прокручивал исход этого поединка. И тогда первый заговорил я. Сказал, что холост, семьи нет, оплакивать меня придется только матери. Когда высказал свои соображения, по виду присутствующих понял, что своим предложением снял напряженность у своих товарищей. Комбат предложение принял. Дали много советов, как лучше обнаружить дзот, договорились о страховке, об имитации атаки, чтобы заставить пулеметчика открыть огонь.

С раннего утра взял винтовку, подсумок с патронами, две гранаты, два пакета, в удобном месте перелез через бруствер, и скрылся в густом травостое. Сначала шел пригнувшись, стараясь, чтобы трава не колыхалась. Как только заработал немецкий пулемет, стал ползти по пластунски. Мои товарищи сумели искусно создать имитацию наступления, в этом я убедился, когда подполз на расстояние, позволяющее через прорезь амбразуры увидеть лицо пулеметчика.

Он был увлечен фланговым огнем, мне удалось рассмотреть френч с серебристыми галунами. За пулеметом сидел офицер. Привстав на колено, навел мушку и через прорезь прицела увидел рыжую голову пулеметчика. Плавный нажим на спусковой крючок, мой выстрел совпал с трескотней пулеметной очереди. Наступила тишина. Сидевший пулеметчик пропал из поля моего зрения. Раздался довольно странный вопль, я ближе подполз к дзоту, выдернул чеку и бросил гранату. Не успел прогреметь взрыв, как передо мной выросли те, кто меня подстраховал. После взрыва гранаты немецкий пулеметный расчет выскочил из дзота, но увидев наставленные на них автоматы моих друзей, немцы подняли руки. Подошли еще красноармейцы. Пленных увели в тыл, а мы спустились в траншею, посмотреть дзот. Не успели выйти из дзота, как ударила автоматная очередь, и стоявший переди нас боец схватился за живот и стал сползать на дно траншеи. Другому пуля попала в плечо. Я сразу повернулся на звук выстрела, хотел определить, откуда идет стрельба, и тут пуля попала в грудь, и я свалился на дно траншеи. Когда очнулся, почувствовал на груди и спине сильное кровотечение. Усилием

вот снял с себя гимнастерку и нательную рубашку, не знаю, каким чудом удалось мне заткнуть входное и выходное отверстия раны. На мое счастье, рядом оказался сержант из нашей роты, который помог сделать перевязку. Ему я объяснил, где прячется немецкий автоматчик. Он сумел с подошедшими бойцами его уничтожить. Роты батальона, преодолев немецкую оборону, устремились к населенному пункту Большие Верейки. Раненых отправили в полковой медсанбат.

Вместе с другими ранеными меня доставили в госпиталь. После излечения предоставили сорокапятидневный отпуск. Сквозная рана долго давала о себе знать при каждом резком движении.

И вот снова я в Канаше. Многое изменилось за год с небольшим в жизни горожан. На родном заводе стали выпускать военную продукцию, делать бронепоезда. Несмотря на военное время, расширялись цеха, появилось новое оборудование с эвакуированных заводов. Много незнакомых людей.

Быстро пролетел отпуск. Столица встретила меня в суровом ожидании исхода гигантской битвы на Волге. Шла завершающая стадия разгрома окруженной 6-й армии фельдмаршала Паулюса.

Меня назначили на должность заместителя командира артиллерийской батареи по политчасти в одной из частей Московского гарнизона. Но служба моя была непродолжительной. В начале марта 1943 года вызвали в отдел кадров управления и направили в Ташкент на курсы усовершенствования политработников.

В декабре завершили курс обучения. Мне присвоили звание старшего лейтенанта. Меня направили на Западный фронт в 153-ю Смоленскую стрелковую дивизию, 563-й стрелковый полк. Дивизия вела бои местного значения. Каждая из воюющих сторон старалась улучшить свои позиций. Перед полком была высотка, с которой немцы просматривали наш передний край, лишая возможности передвижения в светлое время дня. За эту высотку и разгорелись бои. Даже специально выделенное подразделение панцирников (одетые в бронежилеты солдаты) не смогло выполнить задачу. Тогда было принято решение взять высоту ночным штурмом 122-й штрафной роты. Штурм начался после короткой артподготовки. Штрафная рота, насчитывающая около 500 человек, взяла высоту. То, что я там увидел после штурма высоты, надолго осталось в памяти. Дорогой ценой обошлась победа. Сотни трупов наших и немецких солдат. Здесь была настоящая мясорубка. Много пришлось видеть убитых войной, но такое - впервые.

Получил назначение в первый батальон заместителем командира по подитчасти. Январь 1944 года выдался снежным. На Витебском направлении шли бои местного значения без достаточной артподготовки, которые не приносили ожидаемых результатов. Но стоили они немалых жертв, физического и нервного напряжения. Мы знали, что основные бои идут на Украине, а наша задача заключалась в оттягивании на себя части сил немецкой армии. Скоро получили новое пополнение из 100 человек.

Я постоянно бывал в ротах, помогал молодым бойцам быстрее входить в суровый фронтовой быт. Многие из них еще, как говорится, не нюхали пороха. Душевные разговоры помогали молодым найти свое место на переднем крае войны, где ежеминутно над тобой витает смерть. Надо сказать много добрых слов о ветеранах батальона. Без громких речей, практическим советом, без показного превосходства учили они молодое пополнение примудростям солдатской жизни.

Потом меня ранило в ногу. Лечился в Смоленске, а затем в Калуге. Здесь долго врачи колдовали над моей ногой, даже однажды собрали консилиум специалистов, чтобы вынести окончательное решение: оставить или ампутировать. Естественно, перспектива в 29 лет остаться без ноги и всю жизнь ходить на протезе или костылях не давала покоя. Но слава богу, все обошлось.

В мае 1944 года выписали из госпиталя с заключением врачебной комиссии: может проходить службу как ограниченно годный. Получил направление в 4-ю воздушную армию, в воинскую часть 2922. Она была в подчинении Второго Белорусского фронта, командовал ею генерал-полковник К. Вершинин. По прибытии в часть сразу почувствовал разительный контраст между пехотой и летным составом, в бытовом обустройстве, питании, вещевом довольствии. Но первое внешнее впечатление вскоре испарилось, когда жизнь заставила заглянуть во внутреннее содержание работы летных экипажей. Нагрузка адская. Я попал в период, когда началась подготовка к операции «Багратион».

Еще до начала наступления летный состав выполнял задания по нанесению воздушных бомбовых ударов по стратегически важным объектам противника. И каждый раз кто-то из экипажей не возвращался. Самолеты-разведчики в сопровождении истребителей постоянно вели наблюдение за передвижением войск противника и проводили аэроъемки переднего края обороны противника. А когда началось наступление, то нагрузка настолько возросла, что отдельные экипажи делали до трех вылетов и возвращались из полетов, как выжатые лимоны. А сколько

самолетов, так сказать, на честном слове добирались до своего аэродрома, то кончилось горючее, то все изрешечено. Были и такие случаи, когда летчика вынимали из кабины с обожженным лицом или руками, сумевшего в полете сбить пламя огня подбитого самолета, сохранить свой экипаж. Были случаи, когда через 3-5 дней возвращались в часть члены экипажа сбитого самолета.

Четвертая воздушная армия принимала участие в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. День Победы я встретил в немецком городе Шведнице близ Бреслау. Заветная мечта побывать в Берлине, столице третьего рейха, сбылась. Долог и кровав был путь к нему. История никогда не забудет подвига нашего народа, Советской Армии, отдавших на алтарь Победы миллионы своих сынов и дочерей. И как бы сегодня ни хотели у малить решающую роль нашей страны в победе над фашизмом, как из песни слов не выбросишь, так и историю заново не перепишешь.

В июне 1946 года демобилизовался. Уезжал домой не один. Жестокость войны не смогла убить вечного спутника жизни - любовь. Со мной ехала Ольга, прошедшая всю войну нелегкой дорогой фронтовых медиков.

Непросто было входить в гражданскую жизнь. Пять лет армейской службы, где все было регламентировано, наложили свой отпечаток. Теперь груз забот лег на мои плечи, тем более стал семейным человеком. Устроился на работу в локомотивное депо на должность старшего нарядчика паровозных бригад. Хотя старых машинистов знал, но за годы войны пришло много новых, молодых. Нарядчиком работала Галя Введенская, она хорошо знала поездные бригады, сильные и слабые их стороны, чем помогла мне быстрее войти в курс работы. Недолго пришлось поработать в этой должности. Был назначен начальником угольного резерва. Государственный резерв угля всех марок исчислялся тысячами тонн. Сохранить его, не допускать самозагорания, в установленный срок обновить- все это входило в обязанности небольшого штата работников резерва. Забот и хлопот хватало по горло. Восемь лет проработал в этой должности. Неожиданным для меня было приглашение в горком партии и предложение занять должность директора маслозавода. На этой должности проработал до ухода на пенсию.